

Соборы эротической нищеты¹

«Некоторые люди говорят нам: то, чем я занимаюсь, никого не касается, это мое дело, моя личная жизнь. Нет: все, что связано с сексуальностью, не является личным делом, а означает жизнь или смерть народа, мировое могущество или ничтожество».

ГЕНРИХ ГИММЛЕР, *свадебная речь*².

«Самая насущная задача стального человека – преследовать, сдерживать и подчинять себе любую силу, угрожающую превратить его обратно в пугающе беспорядочное нагромождение плоти, волос, кожи, костей, кишок и чувств, называющее себя человеком».

Клаус ТЕВЕЛЯЙТ. «*Мужские фантазии. Т. 2. Мужские тела: психоанализ белого террора*»

ЭРОТИКА ВЛАСТИ

В разных местах этой книги я призывал обратиться к развернувшимся в конце 1960-х и в 1970-х дискуссиям о «новом фашизме» и тем самым пролить свет на нашу собственную политическую и теоретическую ситуацию. Пожалуй, это обращение приобретает еще большую значимость при рассмотрении сексуальной (после)жизни фашизма, поскольку культурные революции и освободительные движения 1960-х не только негативно конституировали новые фашизмы и антифашизмы своего времени, но и остаются важнейшим компонентом господствующих нарративов ультраправых – где «гендерная идеология» является для Стоунволлских бунтов тем же, чем «критическая расовая теория» – для «Власти черным»³: ставшей мейнстримом и поддерживаемой элитами глобальной стратегией по ликвидации семьи, традиции и (белого) Запада.

- 1 Перевод выполнен по: TOSCANO A. *Late Fascism: Race, Capitalism and the Politics of Crisis*. London; New York: Verso, 2023. P. 129–146. – *Примеч. ред.* «Одна из секций (ныне утраченная) в ганноверском Мерцбау [художника-авангардиста Курта Швиттерса] называлась “Собор эротической нищеты” – хрупкий монумент, в различных “гротах” которого были скрыты маленькие сувениры, выпрошенные или украденные у друзей – таких как Ханна Хёх, – а также “круглая бутылочка с моей мочой” и фотографии общественных деятелей, включая Гинденбурга и Муссолини» (FOSTER H. *Anyone Can Do Collage* // London Review of Books. 2022. March 10 (www.lrb.co.uk/the-paper/v44/n05/hal-foster/anyone-can-do-collage)).
- 2 Цит. по: СНАРОУТТ J. *The Law of Blood: Thinking and Acting as a Nazi*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2018. P. 230.
- 3 Стоунволлские бунты – демонстрации и протесты против полицейского рейда, которые начались в ночь на 28 июня 1969 года в баре «Стоунволл-инн» на Кристофер-стрит (Гринвич-Виллидж, Нью-Йорк). Считаются событием, ознаменовавшим начало массового движения за соблюдение прав человека в отношении сексуальных меньшинств. «Власть черным» («Black Power») – лозунг и название заявившего о себе в 1960–1970-е движения за предоставление больших прав и возможностей чернокожему населению США. – *Примеч. перев.*

Планетарная моральная паника вокруг трансгендерности дополнила расистские нарративы о миграции как этническом замещении, став источником фашистской энергии⁴. Теоретическое осмысление горячо обсуждаемых хитросплетений фашизма и эроса важно само по себе, но такое осмысление особенно актуально сегодня, когда международные сети реакции объединяются вокруг угрозы, исходящей от гендерной неконформности, и когда измышление половых и гендерных кризисов позволяет связать геополитические и цивилизационные образы с телом в его наиболее материальном, но и предельно символическом смысле.

Выступая на нью-йоркской конференции «Шизокультура» (1975), Мишель Фуко сформулировал задачу осмысления фашизма после 1960-х следующим образом:

«Я думаю, что после 1960 года появились новые формы фашизма, новые формы фашистского сознания, новые формы описания фашизма и новые формы борьбы с фашизмом. И роль интеллектуала начиная с 1960-х состоит именно в том, чтобы позиционировать себя – исходя из собственного опыта, компетенции, личного выбора, воли – таким образом, чтобы одновременно выявлять формы фашизма, которые, к сожалению, остаются незамеченными или же к которым общество проявляет терпимость, описывать их, пытаться сделать их неприемлемыми и определять, какой должна быть борьба с фашизмом»⁵.

Как и Джордж Джексон, чье убийство стало темой брошюры Группы информации о тюрьмах, вдохновленной Фуко⁶, исследуя новые формы фашизма на конференции «Шизокультура», французский философ концентрировался на пенитенциарной системе⁷. На этом же мероприятии Рональд Дэвид Лэйнг говорил о политическом использовании транквилизаторов как «препа-

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО

СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

Альберто Тоскано (р. 1977) – философ, социальный теоретик, переводчик. Профессор Школы коммуникации Университета Саймона Фрейзера (Британская Колумбия, Канада), член редколлегии журнала «Historical Materialism: Research in Critical Marxist Theory».

- 4 См.: BUTLER J. *Why is the Idea of "Gender" Provoking Backlash the World Over?* // The Guardian. 2021. October 23 (www.theguardian.com/us-news/commentisfree/2021/oct/23/judith-butler-gender-ideology-backlash).
- 5 FOUCAULT M. *Schizo-Culture: On Prisons and Psychiatry* // LOTRINGER S. (Ed.). *Foucault Live: Collected Interviews, 1961–1984*. New York: Semiotext(e), 1996. P. 179. В другом контексте Фуко также размышлял о том, что в отсутствие «гигантских теней фашизма и сталинизма», а также «политической тревоги», которую они порождают в современных обществах, его собственные исследования зазоров власти не получили бы характерного для них «направления и интенсивности» (FOUCAULT M. *The End of the Monarchy of Sex* // Ibid. P. 221).
- 6 Группа информации о тюрьмах (Groupe d'information sur les prisons) – созданная по инициативе Даниэля Дефера и Мишеля Фуко политическая организация, видевшая свою цель в том, чтобы собирать и предавать огласке сведения об условиях жизни заключенных (подробнее см.: ДЕЛ'ЭЗ Ж. *Фуко и тюрьмы* // Он же. *Мая 68-го не было*. М.: Ad Marginem, 2016. С. 74–86). Джордж Джексон – афроамериканский политический активист, участник «Черных пантер»; 21 августа 1971 года застрелен охранником тюрьмы «Сан-Квентин» при попытке к бегству. Его убийству посвящена третья брошюра, изданная Группой информации о тюрьмах (*L'Assassinat de George Jackson*. Paris: Gallimard, 1971). – *Примеч. перев.*
- 7 См.: TOSCANO A. *The Intolerable-Inquiry: The Documents of the Groupe d'information sur les prisons* // Viewpoint Magazine. 2013. September 25 (<https://viewpointmag.com/2013/09/25/the-intolerable-inquiry-the-documents-of-the-groupe-dinformation-sur-les-prisons/>).

ратов, способствующих обусловленному поведению», а Джуди Кларк – активистка из «Подполья погоды»⁸, занимавшаяся проблемами тюрем, – представила детальный отчет о так называемой модификации поведения: «физическом и психологическом терроре в отношении тех, кто организуется [в тюрьмах] и восстает против условий содержания»⁹. Сам Фуко подробно рассказал о роли врачей в контроле (*overseeing*) за пытками во времена военной диктатуры в Бразилии.

Но развивать инструменты, позволяющие выявлять незамеченные варианты фашизма, к которым общество проявляет терпимость, и делать их одновременно осязаемыми и невыносимыми, также означало столкнуться с эффектной сексуализированной демонстрацией определенного рода фашизма в культуре 1970-х. Кинематограф, в частности, стал территорией фантазматического возвращения фашизма как сексуального феномена в широко обсуждаемых работах – от «Ночного портье» Лилианы Кавани до «Сало» Пьера Паоло Пазолини, от «Салона Китти» Тинто Брасса до множества фильмов в жанре *Nazisplotation*.

В двух интервью середины 1970-х для французских киножурналов Фуко дал несколько своих наиболее суггестивных и колких комментариев о нацизме и фашизме. Его ремарки намечают линии исследования, во многом выходящие за рамки биополитической проблематики, что подтолкнет его к тому, чтобы проследить (в первом томе «Истории сексуальности») преемственность между благосостоянием и геноцидом как взаимосвязанными полюсами политики населения – в терминах, продолжающих оказывать глубокое влияние на текущие теоретические дебаты. Столкнувшись с фантазмагорическим слиянием в популярной культуре избыточной сексуальности и нацизма, Фуко прежде всего стремится к провокационной дезертизации фашизма:

«Нацизм придумали вовсе не помешанные на эросе великие безумцы XX века, а мелкие буржуа, мрачные типы, скучные и мерзкие до невозможности. Гиммлер был каким-то там агрономом, и женился он на медсестре. Следует уразуметь, что концлагеря родились от союза воображения больничной медсестры и воображения птичника. Больница плюс птичий двор – вот фантазм, стоящий за концлагерями. Там уничтожали миллионы людей, стало быть, я говорю все это не для того, чтобы представить всю затею менее позорной, но для того, чтобы разрушить иллюзии насчет ее эротических корней, эротических валентностей, которые ей пытаются приписать. Нацисты были домработницами в худшем смысле

8 «Подполье погоды» («The Weather Underground»), или «Синоптики» («Weathermen»), – американская леворадикальная организация (1969–1977), выступавшая против Вьетнамской войны. – *Примеч. перев.*

9 Ibid. P. 169, 174.

этого слова. Они орудовали тряпкой и шваброй, желая очистить общество от всего, что они считали гноем, пылью, мусором [*des sa- nies, des poussières, des ordures*]: от сифилитиков, гомосексуалистов, евреев, полукровок, черных, душевнобольных. Именно эта смрадная мелкобуржуазная греза [*l'infect rêve petit-bourgeois*] о расовой чистоте цементировала нацистскую мечту. Эрос отсутствует»¹⁰.

По Фуко, либидинальная эстетизация нацизма, проходящая через кинематограф и популярную культуру 1970-х (вспомним печально известное интервью 1976 года для «Playboy», в котором Дэвид Боуи высказывался о Гитлере как о рок-звезде, «не уступающей Джаггеру», или свастики, выставляемые напоказ Сьюзи Сью и Сидом Вишесом), является симптомом неизменно-го, хотя и анахроничного влечения к эротизму, присущего дисциплинарному обществу – «обществу регламентированному, анатомическому, иерархизированному, живущему в тщательно распределенном времени, в разграфленном на квадраты пространстве, со всем его повиновением, системой слежки и надзора». Имя этому дисциплинарному эросу – Сад, но, возражает Фуко, «этот солдат дисциплинированной роты, этот сержант секса, этот счетовод задниц и их эквивалентов наводит на нас тоску»¹¹.

Если после 1968 года проблема, как намекнул Фуко в предисловии к англоязычному переводу «Анти-Эдипа», заключалась в том, чтобы набросать этические протоколы «нефашистской жизни», то для этого также требовалось забыть Сада и гнусные фантазии о контроле, санкционированные его именем. Как предписывает Фуко, «надо изобрести с помощью тела, его элементов, его поверхностей, его объемов, его рельефа недисциплинарный эротизм – эротизм тела в состоянии испарения и диффузии, с его случайными встречами и бескорыстным, нерасчетливым наслаждением»¹². Или, цитируя недавнее предложение Джорди Розенберга, «если нацист танцует всю ночь, то наше сопротивление требует чего-то иного, нежели логика; чего-то иного, нежели культурное цоканье или неистовые всплески буксующей паники; нам нужно желание – этот грязный, а порой и грубый, саморазрушительный спуск на дно разума»¹³.

10 Фуко М. *Сад, сержант секса* // Художественный журнал. 1998. № 19–20 (<https://moscowartmagazine.com/issue/46/article/908>). Перевод изменен. – *Примеч. перев.* Неприятие Фуко эротического обрамления нацизма во многом перекликается с замечаниями Примо Леви о нацистском кино в газетной статье 1977 года: LEVI P. *Movies and Swastikas* // GOLDSTEIN A. (Ed.). *The Complete Works of Primo Levi*. New York: Liverlight, 2015.

11 Фуко М. *Сад, сержант секса*.

12 Там же.

13 ROSENBERG J. *The Daddy Dialectic* // Los Angeles Review of Books. 2018. March 11 (<https://lareviewofbooks.org/article/the-daddy-dialectic/>).

Экспериментальное изобретение других, недисциплинированных, удовольствий – обратная сторона диагностики новых, неочевидных форм фашизма, которые избегают эксплицитно политических или исторически узнаваемых обличий. Хотя, в конечном счете, Фуко предпочел бы этику удовольствий шизоанализу желаний, он, подобно Делёзу и Гваттари, был озабочен тем, что сам определил как тот «фашизм, который во всех нас, который преследует наши умы и наше повседневное поведение, – фашизм, который заставляет нас любить власть, желать именно того, что господствует над нами и эксплуатирует нас»¹⁴. В дебатах о «новом фашизме» 1960–1970-х этот повседневный, бессознательный, интимный фашизм занял значительное место – не в последнюю очередь, как следует из предисловия Фуко и критики Делёзом и Гваттари левых группировок (*groupuscules*), в качестве (само)критики авторитарных отношений в якобы революционных коллективах¹⁵. То же мы находим и среди черных феминисток в Соединенных Штатах. Робин Келли приводит следующий отрывок из раздела «Бунт черных женщин» в коллективной монографии «Уроки проклятых» (1973): «Внутри семей и внутри нас мы обнаружили семена фашизма, которых традиционные левые видеть не хотят. Фашизм не был для нас большой и пугающей проблемой. Это была наша повседневность»¹⁶.

Новые формы фашизма (о которых говорил Фуко), несводимые к повторению организационных моделей и символов межвоенного периода, требовали микрофизики власти. По контрасту с массовостью своих тоталитарных предшественников эти новые штаммы нацистской «коричневой чумы» были микрофашизмами, условием правильной диагностики и дезактивации которых являлся анализ новых форм капиталистического накопления и субъективации. Гваттари пишет:

«Капитализм мобилизует все, чтобы остановить пролиферацию и актуализацию бессознательных потенциалов. Другими словами, антагонизмы, на которые указывает Фрейд – между инвестициями желания и инвестициями суперэго, – связаны не с темой или динамикой, а с политикой и микрополитикой. Вот где начинается молекулярная революция: вы фашист или революционер прежде всего в отношении себя, на уровне своего суперэго, в отношении своего тела, своих эмоций, своего мужа, своей жены, своих детей, коллег, в отношении правосудия и государства. Существует кон-

14 Фуко М. *Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа»* // Делёз Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 7–8.

15 Хотя эта попытка рефлексивно исследовать повседневный фашизм, или микрофашизм, возникла из той же идеологической конъюнктуры, ее следует отличать от дискурса «левого фашизма» (*Linksfaschismus*), о котором говорил Юрген Хабермас применительно к радикальным вооруженным движениям 1970-х.

16 Цит. по: KELLEY R.D.G. *Freedom Dreams: The Black Radical Imagination*. Boston: Beacon Press, 2002. P. 147.

тинуум между этими “доличностными” областями и инфраструктурами и стратами, которые “превосходят” индивида»¹⁷.

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО

СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

Формула Гваттари перекликается с цитированным выше призывом Фуко сделать очевидными и неприемлемыми те скрытые формы фашизма, которые общество допускает или которых не замечает. Кроме того, она отвечает цели многих послевоенных исследований психической жизни власти при капитализме – начиная с «Исследования авторитарной личности»¹⁸ и далее: выработать политическую профилактику, которая воспрепятствует кристаллизации новых макроформ фашизма из тех его форм, чье существование в социальном теле по большей части игнорируется. Гваттари заявляет:

«Необходимо обнаружить микрофашистские элементы во всех наших отношениях с другими, потому что борьба на молекулярном уровне предоставит нам гораздо больше шансов предотвратить возникновение по-настоящему фашистской, макрофашистской формации на молярном уровне»¹⁹.

Отсюда предложение: организованные военные и партийно-политические формы классического антифашизма должны быть заменены «микрполитической антифашистской борьбой», которая требует новых клинических и критических форм бдительности, не ограничивающихся идентификацией фашизма, лишь когда тот щеголяет своими мрачными регалиями²⁰:

«Мы должны раз и навсегда отказаться от быстрой и легкой формулы: “Фашизм не вернется”. Фашизм уже “вернулся” и продолжает “возвращаться”. Он проходит сквозь самую плотную сетку; он постоянно эволюционирует – в той мере, в какой он участвует в микрполитической экономике желания, которая сама по себе неотделима от эволюции производительных сил. Кажется, будто фашизм приходит извне, но энергию свою он находит в самом сердце желания каждого»²¹.

- 17** GUATTARI F. *I Am an Idea Thief* // ИДЕМ. *Soft Subversions: Texts and Interviews, 1977–1985*. New York: Semiotext(e), 2009. P. 31. Более раннюю версию этого аргумента см. в тексте: ИДЕМ. *Desire is Power, Power is Desire: Answers to the Schizo-Culture Conference* // ИДЕМ. *Chaosophy: Texts and Interviews, 1972–1977*. New York: Semiotext(e), 2009. P. 287. Гваттари видел предвосхищение этого микрполитического взгляда на фашизм в замечании Даниэля Герена о том, что немецкий и итальянский межвоенный капитализм не хотел «лишать себя этого несравненного, незаменимого средства проникновения во все ячейки общества, организации фашистских масс» (ИДЕМ. *Everybody Wants to be a Fascist* // ИДЕМ. *Chaosophy...* P. 165).
- 18** Имеется в виду опубликованная в 1950 году книга Теодора Адорно, Эльзы Френкель-Брюнстик, Даниэля Левинсона и Невитта Сэнфорда (рус. перев.: Адорно Т. *Исследование авторитарной личности*. М.: Серебряные нити, 2001. – *Примеч. перев.*).
- 19** GUATTARI F. *A Liberation of Desire* // ИДЕМ. *Soft Subversions...* P. 152.
- 20** ИДЕМ. *Everybody Wants to be a Fascist*. P. 164.
- 21** Ibid. P. 171. «Микрполитика желания означает, что отныне мы не позволим проскользнуть ни одной фашистской формуле, в каком бы масштабе та ни проявилась, в том числе в масштабе семьи или даже в масштабе нашей личной экономики» (Ibid. P. 166.).

В контексте своего диалога с Фуко под названием «Интеллектуалы и власть» Делёз решительно повторил методологический принцип, согласно которому материалистическое исследование власти – и в частности, ее фашистских сборок – не может ограничиваться измерением интересов, в которое ее загоняют все, от теоретиков рационального выбора до традиционных марксистов, но должно быть направлено на «инвестиции желания, которые функционируют более глубинным и рассеянным образом, чем диктуют наши интересы»²². Либидинальный политический материализм должен быть нацелен на артикуляцию желаний и интересов. Делёз отмечает:

«Мы при необходимости можем желать не против своего корыстного интереса²³ – поскольку интерес всегда следует туда и находится там, куда его помещает желание. [...] Нужно согласиться с восклицанием Райха: “Нет, массы не были обмануты – в тот момент они жаждали фашизма!”. Существуют инвестиции желания, создающие образ власти и повсюду его распространяющие, благодаря которым власть располагается как на уровне шпика, так и на уровне премьер-министра. Не существует естественной и безусловной разницы между властью, которую осуществляет мелкий шпик, и властью, которую осуществляет министр. Именно природа инвестиций желания в общественном теле объясняет, отчего партии и профсоюзы, которые обладали или должны были обладать революционными инвестициями во имя классовых интересов, на уровне желания могут иметь пристрастия реформистские или даже совершенно реакционные»²⁴.

Замечания Делёза о либидинальных инвестициях, лежащих в основе полицейской и политической власти, стоит иметь в виду, размышляя о том, как Фуко подходил к связи между властью и эросом в своих наблюдениях касательно секса и нацизма на экране. Если первым шагом Фуко является развенчание образа похотливого, сексуально трансгрессивного садистского фашизма, то он также использует эти сексуализированные подделки памяти и смысла как повод для того, чтобы набросать отчет об «эротическом заряде» власти. Неправдоподобность нацистского эротизма – историческая и политическая проблема, требующая нашего внимания:

22 В переводе Станислава Офертаса: «инвестиции желания, объясняющие, почему мы при необходимости можем желать не против своего корыстного интереса, – поскольку интерес всегда следует туда и находится там, куда его помещает желание, – но желать каким-то более глубинным и рассеянным образом, чем то диктует интерес» («investissements de désir qui expliquent qu'on puisse au besoin désirer, non pas contre son intérêt, puisque l'intérêt suit toujours et se trouve là où le désir le met, mais désirer d'une manière plus profonde et diffuse que son intérêt») (Фуко М. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2002. С. 77). – *Примеч. перев.*

23 В цитируемом Тоскано английском переводе «Мы никогда не желаем вопреки своим интересам» («We never desire against our interests»). – *Примеч. перев.*

24 Там же. С. 77–78.

«Как получилось, что нацизм, представители которого были жалкими, ничтожными пуританами, викторианскими старыми девами или в лучшем случае развратницами, – как получилось так, что теперь везде – во Франции, в Германии, в Соединенных Штатах, во всей мировой порнографической литературе – он стал абсолютным эталоном эротики? Каждая никудышная эротическая фантазия теперь отмечена знаком нацизма. В связи с этим возникает серьезная проблема: как можно любить власть? [...] Как получилось, что власть желаемая, что она действительно желанная? Процедуры, с помощью которых эта эротизация передается, усиливается и т.д., вполне ясны. Но, чтобы эта эротизация сработала, привязанность к власти, принятие власти теми, над кем она осуществляется, уже должны быть эротическими»²⁵.

Нацистский сексплуатационный фильм, таким образом, выступает симптомом современного распада эротической привязанности к власти («Никто больше не любит власть [*personne n'aime plus le pouvoir*]. Ясно, что никто не может любить Брежнева, Помпиду или Никсона») и зарождающихся усилий по реэротизации власти – начиная с «секс-шопа с нацистской символикой» и заканчивая пристрастием президента Франции Валери Жискар д'Эстена к стильным лаунж-костюмам.

Но Фуко также обнаруживает источники эротического заряда власти в политической организации фашистского насилия, что, вероятно, выходит за рамки диалектики желания и интереса и проливает свет на то, что обсуждалось в предыдущей главе в терминах «фашистской свободы». Здесь полемика с марксистской трактовкой фашизма опирается на утверждение (справедливое в отношении Георгия Димитрова и его эпигонов, но не Герена или Блоха), что марксистское определение фашистского режима как усиления буржуазной диктатуры игнорирует важнейшие элементы его структуры и функционирования. В частности, Фуко заявляет:

«[В этом определении] упущен тот факт, что нацизм и фашизм стали возможными лишь при наличии относительно большей части населения, готовой взять на себя ответственность за выполнение ряда государственных функций по подавлению, контролю, охране порядка. В этом, на мой взгляд, заключается важная особенность нацизма. В его глубоком проникновении в массы и в том, что часть власти была фактически делегирована определенной части масс. Вот где слово “диктатура” одновременно и верно в целом, и относительно ложно. Только подумайте, какой властью при нацистском

25 Фуко М. *Анти-репто* // Cineticle. 2013. 15 октября (<https://cineticle.com/foucault-interview/>). Перевод изменен. – *Примеч. перев.* Наблюдения Фуко полезно сопоставить с позицией, занятой по отношению к сексуализации нацизма Сьюзен Сонтаг в эссе «Очарование фашизма», опубликованном примерно в то же время (6 февраля 1975 года): СОНТАГ С. *Очарование фашизма* // Она же. *О женщинах*. М.: Ad Marginem, 2024. С. 134–171.

режиме мог обладать тот, кто просто вступил в СС или стал членом партии! Фактически можно было убить своего соседа, присвоить его жену и дом!»²⁶

Как и в описании Жоаном Шапуто нацистских теорий управления как гимнов самостоятельности и инициативе, в наблюдениях Фуко мы встречаем мощный вызов общепринятому мнению, что фашизм в основе своей определяется централизацией и концентрацией власти. По Фуко, нацизм – в той мере, в какой при нем имеет место эротизация власти, – обусловлен логикой передачи полномочий, делегирования и децентрализации того, что по форме и содержанию остается вертикальной, исключительной и убийственной властью. Фашизм – это не просто обожествление вождя, возвышающегося над овцеподобными массами своих последователей; в менее эффективной, но, вероятно, более значимой форме он также является переизобретением поселенческой (*settler*) логики мелкой суверенности (*petty sovereignty*), весьма условной, но вполне реальной либерализацией и приватизацией монополии на насилие. Фуко продолжает:

«Мы должны учитывать то, как власть была распылена, инвестирована в само население, мы должны учитывать это впечатляющее смещение власти, которое нацизм произвел в таком обществе, как немецкое. Неверно говорить, что нацизм – это власть крупных промышленников, облеченная в другую форму. Он не был властью усиленного Генштаба. Было и это, но лишь на определенном уровне. [...] Нацизм не дал никому и полкило масла – он никогда не давал ничего, кроме власти. [...] Дело в том, что вопреки обычному пониманию диктатуры, то есть власти одного, можно сказать, что в таком режиме самая отвратительная часть власти, но в каком-то смысле и самая пьянящая, была отдана значительному числу людей. СС были теми, кому дана власть убивать, насиловать»²⁷.

Я бы сказал, что идея Фуко об «эротике» власти, основанной на делегировании права на применение насилия, является более эффективным средством анализа классического и позднего фашизма, чем гиперболическое заявление Гваттари, что «массы инвестировали фантастический коллективный инстинкт смерти в [...] фашистскую машину», поскольку в этом заявлении упущена из виду материальность «делегирования власти определенной части масс» – делегирования, которое, как установил Фуко, имеет решающее значение для привлекательности фашизма (*fascism's desirability*)²⁸.

26 Фуко М. *Анти-ретро*. Перевод изменен. – Примеч. перев.

27 Там же. Перевод изменен. – Примеч. перев.

28 ГУАТТАРИ Ф. *Everybody Wants to be a Fascist*. P. 168. Гваттари также связывает «мутацию нового желающего машинизма в массах» со спецификой инвестирования в «стиль Гитлера», сочетающий в себе плебейские и фронтовые элементы, «гибкость лавочника» в переговорах с крупным бизнесом и «расистский бред»,

Гендеризация фашистского либидо в значительной степени игнорируется или имплицитно предполагается в аргументах Фуко, Делёза и Гваттари, которые мы только что рассмотрели. Отвечая на их теоретический вызов, но в значительной степени отказываясь от характерной для них фокусировки внимания на политэкономии и властных структурах фашизма, в «Мужских фантазиях» Клаус Тевеляйт ставит в центр внимания палингенетическую мизогинию и параноидальную телесную политику фашизма – «Красную женщину» как психосоматическую угрозу распада, вызывающую убийственную ярость и оправдывающую строительство защитной преграды от наводнения, – чтобы понять, как желающее производство может превратиться в производство смерти²⁹.

Фашизм – это не просто обожествление вождя, возвышающегося над овцеподобными массами своих последователей; в менее эффективной, но, вероятно, более значимой форме он также является переизобретением поселенческой логики мелкой суверенности, весьма условной, но вполне реальной либерализацией и приватизацией монополии на насилие.

В контексте сегодняшнего пагубного смешения фашизации с новыми мужскими союзами (*Männerbunde*), физическими или виртуальными, Тевеляйт инспирировал исследование современного микрофашизма как «войны за восстановление», которая стремится возродить архаичную фантазию патриархальной власти, вводя насильственные практики «автогенетического суверенитета» – воспроизводства мужской власти без женщин и против них³⁰. Джек Братич пишет:

в котором улавливается «коллективный инстинкт смерти, высвобожденный из чертогов Первой мировой войны» (Ibid. P. 165–166).

- 29** См. пронизательный комментарий к проекту Тевеляйта в предисловии Барбары Эренрайх к книге: ТНЕВЕЛЕТ К. *Male Fantasies, vol. 1 – Women Floods Bodies History*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. ix–xvii. Замечательную попытку применить метод Тевеляйта см. в архивном эссе Джонатана Литтелла о бельгийском фашисте Леоне Дегреле: LITTELL J. *Le sec et l'humide. Une brève incursion en territoire fasciste*. Paris: Gallimard, 2008. Следуя Тевеляйту, Литтелл пронизательно отмечает, что для фашиста метафора (подобно феминизированному коммунистическому «наводнению») «никогда не является всего лишь метафорой (отсюда и невероятная действенность фашистских метафор)» (Ibid. P. 29).
- 30** Блестящее раннее исследование немецкой генеалогии мужских объединений и их роли в зарождении народной (*Völkisch*) и нацистской политики см. в: МАЙЕР Г. *Ритуалы политических объединений в Германии эпохи романтизма // Коллеж социологии*. СПб.: Наука, 2004. С. 396–417. О *Bund*-форме среди донацистских немецких националистических правых см. также: MOSSE G.L. *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*. New York: Grosset & Dunlap, 1964. P. 204–217. Сложный вопрос о привлекательности фашизма для некоторых гомосексуальных интеллектуалов и элит – несмотря на его яростную гомофобию – лучше всего рассматривать именно на уровне связи между либидо и организацией политичес-

«Палингенетический проект мужского возрождения стремится к будущему без биорепродукции. Он населяет мир мучениками и мифами, призрачными отрядами из прошлого и будущего. Это репликация без репродукции.

[...И поскольку] автогенетический суверен остается невозможным проектом, он нуждается в непрерывном обновлении и снова начинает творить мир посредством полицейского контроля, наказания и управления [...] мы сталкиваемся с двойным движением автогенетического суверена: бегством от зависимости и в то же время возвращением к зависимости от женщин»³¹.

Эту невозможность имеет смысл рассмотреть с точки зрения *разрыва* между источниками фашизма в мужских группах, связанных насильственными практиками и/или фантазиями о насилии, с одной стороны, и фашизмом как проектом реконфигурации государства и общества, который неизбежно должен инкорпорировать и интерпеллировать женщин по собственному образцу, – с другой.

ЭМАНСИПАЦИЯ ОТ ЭМАНСИПАЦИИ: ЖЕНЩИНЫ И ФАШИЗМ

Парижские теоретические дискуссии 1970-х о новых формах фашизма не обошли стороной вопрос о женщинах, фашизме и желании. Итальянская журналистка, академик и парламентарий от коммунистов Мария Антониетта Маччиокки, организовала семинар в Университете Париж VIII в Венсене со впечатляющим составом докладчиков, которые привнесли политику и высокую теорию в духе «пост'68» в рассмотрение истории фашизма и его будущего (среди них Никос Пуланзас, говоривший о влиянии фашизма на массы, Жан-Туссен Дезанти – о Джованни Джентиле и философских истоках фашизма, Жан-Пьер Фэй – о фашизме и языке)³². В рамках семинара состоялись показы фашистских и антифашистских фильмов – от антисемитского «Еврей Зюсс» (1940) Файта Харлана до «Одержимости» (1943) Лукино Висконти, от «Фашиста» (1974) Нико Нальдини до «Белого корабля» (1941) Роберто Росселлини. Семинар также стал

ких групп, а не в чисто психоаналитическом аспекте. См., например: ИДЕМ. *On Homosexuality and French Fascism // The Fascist Revolution: Toward a General Theory of Fascism*. Madison: University of Wisconsin Press, 2022. P. 139–144; БАУМ В. *Queering Critical Theory: Re-Visiting the Early Frankfurt School on Homosexuality and Critique // Berlin Journal of Critical Theory*. 2021. Vol. 5. № 2. P. 5–67.

31 ВРАТИШ J.Z. *On Microfascism: Gender, War, and Death*. Brooklyn: Common Notions, 2022. P. 52, 30; см. также: РАВИНБАХ А., БЕНЖАМИН J. *Foreword // ТНЕВЕЛЕЙТ К. Male Fantasies, vol. 2 – Male Bodies: Psychoanalyzing the White Terror*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. P. xvii. Как отмечают Рабинбах и Бенджамин: «Тевеляйта интересует не “идеология” как репрезентация реальности, а символическое конструирование другого как механизм самосплочения» (Ibid. P. xxii).

32 Материалы семинара собраны в: *Eléments pour une analyse du fascisme. Séminaire de Maria-A. Macciocchi: Paris VIII – Vincennes 1975/1975*. Paris: UGE, 1976.

поводом для идеологических столкновений с маоистскими активистами из «Groupe Foudre» во главе с Наташей Мишель, которые мешали его проведению, поскольку считали Маччиокки проповедницей реакционной теории сексофашизма, затемняющей проблемы класса и капитала в угоду антимарксистским либидинальным концепциям³³. Маччиокки внесла в работу семинара значительный вклад, прежде всего – представила внушительное по размерам эссе о женщинах и фашизме, которое позднее было опубликовано на итальянском языке, а часть этого эссе появилась в английском переводе под названием «Женская сексуальность в фашистской идеологии»³⁴.

По Маччиокки, связь женщин и фашизма – интерпелляция женщин фашизмом, участие в нем и даже стремление к нему – стала своего рода феминистским табу, слепым пятном феминистского движения, которое было склонно относиться к женщинам так же, как *гошистские* ультралевые относились к пролетариату: агнографически, как к своего рода фетишу, не допускающему никаких упреков³⁵. Опираясь на обширный архив текстовых материалов фашистского *ventennio*³⁶, в своем анализе Маччиокки также широко использовала теории Вильгельма Райха о либидинальной инфраструктуре фашистской власти. Фашизм применил к сексу в целом и к женской сексуальности в частности согласованную стратегию экспроприации. Как заявила Маччиокки, «при фашизме сексуальность, как и богатство, принадлежит могущественной олигархии; массы лишены и того и другого»³⁷. Следуя Райху, Маччиокки усматривала основу фашистской диктатуры в «колоссальном сексуальном подавлении, тесно связанном со смертью», а в итальянском случае такая диктатура, опираясь на католическую традицию, избрала особенно мощный коктейль из репродуктивной нормативности и того, что у Фурио Джеси обозначается как *religio mortis*, религия смерти³⁸. Маччиокки пишет:

- 33** Маччиокки подробно рассказывает об этом столкновении в послесловии ко второму тому «Eléments». Через несколько лет Наташа Мишель опубликовала полемический памфлет против Маччиокки: *CONTRE M.A. Macciocchi: contribution à la critique d'une nouvelle branche de la science, la raciologie politique*. Marseille: Ed. Potémkine, 1978. «Groupe Foudre» представляла собой ответвление «Союза коммунистов Франции (марксистов-ленинцев)» (Union des communistes de France marxiste-léniniste) – маоистской группы, со-основателями которой были Мишель, Сильвен Лазарюс и Ален Бадью.
- 34** МАСЦИОККИ М.А. *Les femmes et la traversée du fascisme // Eléments pour une analyse du fascisme...* Vol. 1. P. 128–278; ИДЕМ. *La donna "nera". "Consenso" femminile e fascismo*. Milano: Feltrinelli, 1976; ИДЕМ. *Female Sexuality in Fascist Ideology // Feminist Review*. 1979. Vol. 1. № 1. P. 67–82. Проницательный обзор дебатов о женщинах и фашизме, затрагивающий Маччиокки, а также феминистский антифашизм 1970-х в Великобритании, см. в: RENTON D. *Women and Fascism: A Critique // Socialist History*. 2001. № 20. P. 72–83.
- 35** МАСЦИОККИ М.А. *La donna "nera"...* P. 19.
- 36** Двадцатилетний период фашистского режима в Италии (1922–1943). – *Примеч. перев.*
- 37** ИДЕМ. *Female Sexuality in Fascist Ideology*. P. 80.
- 38** Ibid. P. 69. Как отмечает Маччиокки, «фашизм приходит на помощь церковным стражам; ему это удается благодаря покорности женщин, чьи инстинкты он может направить в русло своего рода нового религиозного пыла» (Ibid. P. 68).

«Характерной чертой фашистского и нацистского духа является вызов, брошенный женщинам на их собственной почве: они делают женщин одновременно воспроизводительницами жизни и хранительницами смерти, причем два этих термина друг другу не противоречат»³⁹.

Национализация семьи и секса обуславливает биополитику воспроизводства, которая также является некрополитикой (*Viva la muerte!*). Фашистская женщина не просто растит сыновей для фронта (или дочерей, которые в свою очередь производят еще больше сыновей для будущих фронтов), она также вовлечена в либидинизированную религию смерти, прославляющую национального мученика, павшего при совершении убийства. И наоборот, ретерриториализация секса в национализированной семье как материально, так и символически играет решающую идеологическую роль. Как утверждает Маччиокки, «“эмоциональная” чума фашизма распространяется через эпидемию фамилиализма»⁴⁰.

Короче говоря, «вы не можете говорить о фашизме, пока не готовы обсуждать и патриархат»⁴¹. В предисловии к публикации статьи Маччиокки в первом номере журнала «Feminist Review» историк Джейн Каплан с готовностью подытожила теорию идеологии, лежащую в основе ее тезисов:

«Фашизм заручается поддержкой женщин, обращаясь к ним на идеологическо-сексуальном языке, с которым они уже знакомы по “дискурсам” буржуазной христианской идеологии. Говоря абстрактно, это означает, что система знаков и бессознательных представлений, составляющих “закон” патриархата, используется в фашистской идеологии так, что женщины оказываются втянутыми в особые отношения, поддерживающие фашистские режимы: в самом деле Маччиокки, похоже, даже предполагает, что эта “доступность” женщин также является конституирующим фактором фашизма, а не просто пассивным резервуаром [...] до тех пор, пока женщины продолжают позволять обращаться к себе на патриархальном языке сексуального отчуждения, они будут оставаться потенциальной аудиторией фашистских убеждений»⁴².

Но Каплан также высказала несколько пронизательных критических замечаний по поводу такой постановки проблемы женщин при фашизме. Порой Маччиокки впадает в эклектическое заблуждение: поскольку фашизм – идеология падальщиков,

39 Ibid. P. 70. О связи между феминизированной некрофилией и сексуализированным поклонением Муссолини см. также: GADDA C.E. *Eros e Priapo. Versione originale*. Milan: Adelphi, 2016. P. 93, 108, 237.

40 МАСЧИОККИ М.А. *Female Sexuality in Fascist Ideology*. P. 73.

41 CAPLAN J. *Introduction to Female Sexuality in Fascist Ideology* // *Feminist Review*. 1979. Vol. 1. № 1. P. 62. И Муссолини, и Гитлер следовали идеям Гюстава Лебона о психологии толпы, постоянно представляя массу «женщиной» (иррациональной, истеричной, эмоциональной, желающей подчинения) – если не думали о ней как о пассивном материале, которому Вождь-как-Художник должен придать форму.

42 Ibid. P. 61–62.

состряпанная из подручных идеологических элементов, возникает соблазн рассматривать каждый из этих элементов (а не специфику включения и артикуляции каждого элемента в более крупный ансамбль) как собственно фашистский или протофашистский. Каплан же задается вопросом о противопоставлении (иррациональных) желаний и (рациональных) интересов и ставит под сомнение предположения о существовании женского энтузиазма *sui generis* в отношении фашизма. Кроме того, она призывает к материалистическому и историческому анализу в противовес безудержному использованию психоаналитических категорий:

«Сфера идеологии/бессознательного рискует стать областью, где, как говорится, возможно *все*, в некую всеобъемлющую и привилегированную остаточную категорию с границами, растворяющимися в неопределенных горизонтах. Похоже, здесь кроется опасность приписывания фашизму окончательной и исключительной способности господствовать на недоступной больше ни для кого территории; риск представить бессознательное как особую, принадлежащую фашизму область, не предложив (за вычетом горстки туманных аллюзий) способов ее отвоевать»⁴³.

К предостережениям Каплан можно добавить, что рассмотрение фашизма через призму сексуально репрессивной семьи может исказить его суть. Хотя мы и избегаем «похотливого» образа фашизма как сексуального извращения, диаметрально противоположное представление о том, что «тело фашистского дискурса является строго целомудренным, чистым, девственным» и что его «главная цель – смерть сексуальности», опровергается историческими данными о фашистской сексуальной политике⁴⁴.

Как показала историк Дагмар Херцог в исследовании «Секс после фашизма», отождествление фашизма с сексуальным подавлением отчасти было побочным продуктом реакции 1960-х на пособнический послевоенный истеблишмент (поколение родителей), который сам насаждал сексуальный и моральный консерватизм для защиты от фашистского подрыва традиционной семьи (а также для того, чтобы откреститься от собственного участия в деятельности режима). У сексуализированных интерпретаций нацизма была собственная история и периодизация, обусловленная моральными и политическими конфликтами своего времени. Херцог отмечает:

«[В Германии начала 1950-х] комментаторы по-прежнему подчеркивали антибуржуазную составляющую нацизма и прямо связывали нацистское поощрение внебрачной сексуальности с преступле-

⁴³ Ibid. P. 65.

⁴⁴ МАССИОСНИ М.А. *Female Sexuality in Fascist Ideology*. P. 75.

ниями нацизма, [в то время как] Освенцимский процесс 1963–1965 во Франкфурте-на-Майне ознаменовал возникновение теории мелкобуржуазного и сексуально подавленного участника преступлений Холокоста, которая стала столь важной для нового левого движения»⁴⁵.

Не будучи ни помешанными на эресе великими безумцами, ни мелкобуржуазными домработницами, нацисты продвигали политику секса, которую нельзя свести к прежним моделям сексуального регулирования (буржуазным или мелкобуржуазным, либеральным или консервативным) или к типичному патриархату; вслед за Херцог можно рассмотреть эту политику как подвижный синтез между, с одной стороны, прагматичным моральным консерватизмом и, с другой, ускорением модернизации сексуальных тенденций в расистском и националистическом обличье. *При всем уважении к Тевеляйту «суть всей фашистской пропаганды» не «борьба против всего, что доставляет удовольствие и наслаждение»*⁴⁶. Херцог пишет:

«Когда нацисты пришли к власти в 1933 году, они часто представлялись общественности как реставраторы традиционной сексуальной морали (хотя эта позиция довольно рано стала оспариваться и внутри партийного руководства). Однако по мере становления “третьего рейха” возникла совершенно новая сексуальная политика с сильным акцентом на расовой принадлежности. Хотя сексуально-консервативные призывы звучали до самого конца, стало ясно, что при нацизме многие (но, разумеется, не все) предшествующие либеральные тенденции будут намеренно усилены, – в то же время сексуальная свобода и счастье были переопределены как исключительная прерогатива “здоровых” “арийских” гетеросексуалов»⁴⁷.

Нацизм – с его опорой на субнищееанскую критику христианского подавления тела, с его истоками в бесчисленных натуразмах, нудизмах и культах тела, распространившихся в Германии начала XX века, и с его одержимостью боевой эстетизацией тела в Древней Греции и Риме (переосмысленных как средиземноморские форпосты нордической расы) – не может быть сведен к мелкобуржуазному подавлению⁴⁸. Его «фамилиализм»

45 HERZOG D. *Sex after Fascism: Memory and Morality in Twentieth-Century Germany*. Princeton: Princeton University Press, 2005. Я благодарен Куинну Слободиану за то, что он указал мне на работу Херцог. См. также убедительный критический обзор литературы по этому вопросу: LANDA I. *The Wandering Womb: Fascism and Gender // Fascism and the Masses: The Revolt Against the Last Humans, 1848–1945*. London: Routledge, 2018. P. 320–353.

46 THEWELEIT K. *Male Fantasies, vol. 2...* P. 7.

47 HERZOG D. *Sex after Fascism...* P. 259.

48 Как заявил идеолог «крови и почвы», рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства Рихард Вальтер Дарре, «нордической расе всегда было чуждо любое отрицание тела; лишь когда на Востоке возникла огромная тень аскетизма, враждебного красоте, это спровоцировало упадок античной культуры». Цит. по: СНАРОУТОТ J. *Greeks, Romans, Germans: How the Nazis Usurped Europe's Classical Past*. Berkeley: University of California Press, 2016. P. 181.

также не следует списывать только на жажду молодого пушечного мяса или фантазмагории о превосходстве белой расы; он также был, как подробно описывает историк Тим Мейсон в отличном эссе о женщинах при национал-социализме, функцией столкновения немецкого фашизма с культурными и материальными противоречиями капитализма. Семья могла явиться своего рода *заплаткой*, а также местом психологического и материального компромисса между обеспокоенным населением и режимом, лишенным какой-либо «золотой середины между драматической и жестокой импровизацией, с одной стороны, и стремлением к призрачным конечным целям – с другой»⁴⁹. Мейсон пишет:

«[Нацистская] пропаганда и их политика превозносили гораздо более фундаментальную примиряющую функцию семейной жизни, и люди откликнулись на это, потому что [это] затрагивало давно устоявшиеся и почти универсальные механизмы самозащиты от отчужденной, суровой жизни вне дома. [...] Кошмарный мир диктаторского правительства, огромных промышленных комбинатов, всеохватывающего администрирования и организованной бесчеловечности паразитировал на своей идеологической антилизе – маленьком сообществе родителей и детей»⁵⁰.

Однако, несмотря на тенденциозный и эклектичный акцент на некоторых аспектах сексуальной жизни фашизма, работа Маччиокки остается важной, поскольку утверждает, что нельзя обойти стороной проблему фашизма и женщин (а также фашизма и гендера в целом):

«Если не проанализировать прошлые (и настоящие?) отношения между женщинами и фашистской идеологией, если не проанализировать, как и зачем фашизм одурачивает женщин, то сам феминизм (а заодно и весь политический авангард) останется лишенным понимания своего исторического контекста. Без этого диалектического анализа феминизм увечен; лишенный прошлого, он – как воздушный шар, подвешенный вне времени: он не может понять ни того, что стоит на кону сегодня, ни направления какого-либо будущего альянса между феминистской и революционной борьбой»⁵¹.

Среди диалектических объектов такого анализа – консолидация при фашизме «женского антифеминизма», продукта того, что Маччиокки пронизательно называет *«антиполитической*

49 MASON T. *Women in Germany, 1925–1940* // CAPLAN J. (Ed.). *Nazism, Fascism and the Working Class*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 192.

50 Ibid. P. 206. Можно добавить, что самое леденящее душу изображение сексуальной жизни фашизма следует искать не в фильме «Ильза, волчица СС» и ему подобных, а в частных снимках безмятежной и довольной семейной жизни в офицерских помещениях лагерей уничтожения.

51 МАССИОСНИ М. А. *Female Sexuality in Fascist Ideology*. P. 67.

политизацией» женщин фашистским и нацистским режимами⁵². Как утверждает Робин Мараско в своей обстоятельной критической реактивации работы Маччиокки (наряду с трудами Андреа Дворкин об ультраправых женщинах-активистках в США), несмотря на свои ограничения, эта работа может помешать асептическому, развоплощенному анализу фашизма как «чисто» политического феномена и обратить наше внимание на роль гендера, сексуальности и пола в современных процессах фашизации. Мараско риторически вопрошает:

«На еще более базовом уровне: можно ли говорить о фашизации, не говоря о сексе? Сумеет ли мы понять, что такое фашизм нашего настоящего и как он связан с фашизмами прошлого? Поймем ли мы, как сетевая мизогиния становится стартовым наркотиком для ультраправых, как мир борцов за права мужчин, мастеров пикапа, троллей *MGTOW*⁵³ и “невольно воздерживающихся” пересекается с миром сторонников превосходства белой расы, ополченцев⁵⁴ и гордых парней⁵⁵; или даже как относительно незначительный эпизод вроде *#gamergate*⁵⁶ может быть с полным основанием назван одним из инаугурационных событий эпохи Трампа? Узнаем ли мы в мифе о “великом замещении”⁵⁷ стремление к контролю над женской сексуальностью, а также расистскую и культуралистскую панику? И даже более того: не рассматривая секс как инструмент фашизации, можно ли разобраться в том, что такое антиваксеры, йога-мамы и гуру здорового образа жизни, которые являются частью нового возрождения правых, и как заговор *QAnon*⁵⁸ мобилизует страхи женщин за своих детей?»⁵⁹

Хотя можно, безусловно, согласиться с Мараско, это не означает, что половые и гендерные паттерны фашизации примут привычные формы. Действительно, отталкиваясь в своих размышлениях от случая Эшли Бэббит – «мученицы восстания

52 Ibid. P. 81; ИДЕМ. *La donna “nera”...* P. 21.

53 *MGTOW* (англ. Men Going Their Own Way, «мужчины, идущие своим путем») – (интернет-)сообщество, выступающее за отделение мужчин от женщин, а также от общества, которое члены *MGTOW* считают испорченным феминизмом. – Примеч. перев.

54 Американское ультраправое антиправительственное движение, поддерживающее идею формирования добровольных вооруженных отрядов. – Примеч. перев.

55 «Гордые парни» (англ. «Proud Boys») – возникшая в 2016 году американская ультраправая, неофашистская мужская организация, которая пропагандирует и практикует политическое насилие. – Примеч. перев.

56 «Геймергейт» – разгоревшийся в 2014 году в англоязычной прессе скандал, связанный с обвинениями в конфликте интересов, в адрес женщин, пишущих об игровой индустрии; скандал перерос в дебаты о гендерных стереотипах, мизогинии и сексизме в компьютерных играх. – Примеч. перев.

57 «Великое замещение» (фр. *grand remplacement*) – ультраправая теория заговора, согласно которой при содействии элит осуществляется процесс замещения белого населения Европы представителями народов, традиционно проживающих на территории Африки и Ближнего Востока; идея о «великом замещении» предложена французским писателем Рено Камю. – Примеч. перев.

58 *QAnon* – возникшая в период президентства Дональда Трампа теория заговора среди американских ультраправых; сторонники *QAnon* верят, что США (и миром) управляет клика сатанистов-педофилов, поддерживающая сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних. – Примеч. перев.

59 MARASCO R. *Reconsidering the Sexual Politics of Fascism // Historical Materialism*. 2021. June 25 (www.historicalmaterialism.org/reconsidering-the-sexual-politics-of-fascism/).

6 января»⁶⁰, – Мараско призывает нас задуматься о регрессивных формах расширения прав и возможностей и трансгрессивных удовольствиях, которые могут быть доступны некоторым женщинам в современных ультраправых движениях. То, что предлагают фашистские правые сообщества, может и не быть патриархальной безопасностью в первую очередь (хотя ее пастыш и предлагается «традиционным женам» и им подобным):

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО
СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

«[Это] нечто, более непосредственным образом связанное с трансгрессией, более восприимчивое к деструктивным импульсам и антисоциальным силам, более близкое к равенству, которое оно отвергает, и к свободе, от которой оно отказывается. Нечто такое, что предлагает белым женщинам объяснение причин их несчастья и аффективную арену для выражения своего гнева. [...] Это не просто вопрос о защите своих интересов (белых женщин, мелкобуржуазных женщин, женщин с американским гражданством) или даже о желании господства – это вопрос о получении доступа к удовольствиям “мужского” аффекта и агентности. Это привилегия, доступная лишь некоторым женщинам, о чем, собственно, и идет речь. И это форма “женского антифеминизма”, зеркально отражающая неолиберальный феминизм, против которого она выступает, – очередная выродившаяся версия желания *иметь все*, где вместо корпоративной карьеры и гетеросексуальной репродуктивной семьи у женщин могут быть боевая подготовка, винтовка *AR 15*, полиаморная сексуальность, конспирология и, главное, видимость власти, заменяющая власть реальную»⁶¹.

Эта рекомпозиция женского антифеминизма может также перетекать в «фашистский феминизм», который стремится насильственно закрепить и утвердить нормативную, пусть и не обязательно гетеропатриархальную, фигуру женщины и который инвестирует желание и либидо в свои нарративы о надвигающейся угрозе стирания женщин и даже феминизма «гендерной идеологией» и трансгендерностью⁶².

60 35-летняя Эшли Бэббит, сторонница Трампа и последовательница *QAnon*, была застрелена сотрудником полиции во время штурма Капитолия 6 января 2021 года протестующими, поддерживавшими попытки Трампа отменить результат президентских выборов. Случай Бэббит был мифологизирован правыми, которые представили ее в качестве «жертвы». – *Примеч. перев.*

61 *Ibid.* Этот женский антифеминизм следует связать с неофашистским использованием имплозии нуклеарной семьи, описанным Розенбергом в «Диалектике папы»: «Семья, попросту говоря, раскалывается под грузом того, что ей приходится компенсировать в силу сокращения государственных ресурсов в условиях жесткой экономики. Современный неофашизм пожинает плоды этого расщепления – семейного распада, который, подобно разрушающейся звезде, испускает хаос энергии, уходя в небытие. Заметьте, что здесь неофашизм не претендует на моральное превосходство. Напротив, он *радуется своей извращенности*» (ROSENBERG J. *Op. cit.*).

62 Льюис и Сересин предполагают, что «в архивах ультраправого крыла движения за женские права прослеживается своеобразный Эрос: он ощущается в удовольствии, которое люди получают от проявления материнского авторитаризма, в эйфории от мировоззрения “женственность-как-страдание”, в уязвленной привязанности, лежащей в основе однополого цис-сепаратизма. [...] В глазах участниц евгенического феминизма – возбужденная, жертвенная обреченность, которая сопровождается состоянием так называемых женщин, рожденных женщинами» (LEWIS S., SERESIN A. *Fascist Feminism: A Dialogue // Transgender Studies Quarterly*. 2022. Vol. 9. № 3. P. 464, 469–470).

СЕКС В КРИЗИСЕ

Фашизм рекламирует себя как решение, как средство преодоления всеобъемлющего кризиса порядка. Не просто социального порядка, а порядка во всех его семантических и материальных регистрах: экономическом, геополитическом, духовном, эстетическом, телесном, расовом – и сексуальном. С фашистской точки зрения, органический кризис – это всегда кризис органического, дерегуляция чувств, расстройство наших органов. Но, в отличие от реакционных консерватизмов, которыми он умело манипулирует, фашизм никогда не сводится к желанию реставрации, возвращения тел на свои места⁶³. Осознавая – пусть и не всегда признавая, – что путь к утраченной гармонии безнадежно отрезан, фашизм летит вперед в прошлое, но этот полет неизбежно сопровождается всевозможными рекомбинантными изобретениями, консервативными революциями, затрагивающими репродукцию и сексуальность, желание и удовольствие, интимное и коллективное. И в этой области фашизм если и повторяется, то с различиями. Мы еще не покончили с политически спровоцированной паникой вокруг (еврейского) расового растления, «кризисной женщины» и гомосексуальности – паникой, которая сформировала межвоенные европейские фашизмы, – или с гендеризацией отягощенного террором регулирования «Черноты» (*Blackness*) и колониальной подчиненности (*subalternity*) расовым фашизмом, который как предшествовал оси Рим–Берлин, так и пережил ее⁶⁴. Но мы также должны бороться с новыми формами фашизма (включая повседневные фашизмы и микрофашизмы), возникающими вследствие трансформаций в сфере пола, гендера и сексуальности, а также в результате подвижных сочленений между либидинальным, экономическим и природным.

Как отмечают исследователи пересборки ультраправых в контексте чрезвычайной климатической ситуации, реакционные сексуальные и гендерные нормы не просто связаны с домашней или интимной сферами, но также являются антагонистическими опосредованиями социальной тотальности, реагирующими на воображаемые образы общественного (и природного) целого. Как считает Кара Даггетт, агрессивная ностальгия по устаревшей сборке мужественности и производства – которая

63 Как сказал в 1980-е художник и активист борьбы со СПИДом Дэвид Войнарвич по поводу попыток сенатора-республиканца Джесси Хелмса заблокировать федеральное финансирование любых программ, упоминающих гомосексуальность: «Фашисты в консервативной одежде взобрались на Хелмса и проехали на нем по основам Конституции» (WOJNAROWICZ D. *Close to the Knives: A Memoir of Disintegration*. London: Serpent's Tail, 1992. P. 129).

64 CHANG N. *The Crisis-Woman: Body Politics and the Modern Woman in Fascist Italy*. Toronto: University of Toronto Press, 2015. Обсуждается в: BASSI S., LAFLEUR G. *Introduction: TERFS, Gender-Critical Movements, and Postfascist Feminisms* // *Transgender Studies Quarterly*. 2022. Vol. 9. № 3. P. 315.

выходит за пределы исторических очагов фордизма – может быть осмыслена как консолидация *петромаскулинности*:

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО

СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

«Изменение климата может стать катализатором фашистских желаний укрепить *Lebensraum*, жизненное пространство, дом, ограждаемый от призрака чужеродной угрозы, будь то загрязнители, иммигранты или гендерные девианты. Принять петромаскулинность всерьез – значит обратить внимание на то, как пресекаются желания привилегированных патриархатов [*privileged patriarchies*], когда они лишаются своих ископаемых [*fossil*] иллюзий»⁶⁵.

Эту приведенную в боевую готовность утрату иллюзий (и иллюзию утраты) «все более хрупкой западной гипермаскулинностью» можно также представить как кражу наслаждения – которую, если не забывать об эксплуататорской и экстрактивистской истории этих колониальных, расовых и патриархальных историй, пожалуй, точнее будет назвать *кражей наслаждения от кражи* (и порядка, возникающего и воспроизводящегося в результате грабежа). Похитители удовольствия могут принимать множественные, изменчивые, несвязные формы (хищные еврейские плутократы, едущие на *Prius* столичные либеральные элиты, живущие на пособие чернокожие матери, транс-женщины), но для фашистского воображаемого без их устранения или подавления невозможны ни «институционализированное возрождение», ни восстановительная революция⁶⁶.

Фашизм рекламирует себя как средство преодоления } всеобъемлющего кризиса порядка, порядка во } всех его семантических и материальных регистрах: } экономическом, геополитическом, духовном, } эстетическом, телесном, расовом – и сексуальном. }

Как давно утверждают феминистски и квир-антифашисты, фашизмы – режимы, не только расовые, но также половые и гендерные⁶⁷. Антиполитическая политизация пола и гендера играет важнейшую роль в формировании и циркуляции фа-

65 DAGGETT C. *Petro-Masculinity: Fossil Fuels and Authoritarian Desire* // Millennium: Journal of International Studies. 2018. Vol. 47. № 1. P. 44. О психологической расплате за ископаемый авторитаризм см. также: MALM A. *The Zetkin Collective. White Skin, Black Fuel: On the Danger of Fossil Fascism*. London: Verso, 2021.

66 THEWELEIT K. *Postface* // LITTLE J. *Op. cit.* P. 124. Среди организаций, упомянутых Тевеляйтом с отсылкой к Ригоберте Менчу, – латиноамериканские «эскадроны смерти», в которых заявляет о себе одна из универсальных черт телесного фашизма, анализируемого Тевеляйтом: «санкционированная трансгрессия на пути к преступлению, проявляющаяся в то же самое время, когда ее совершают» (Ibid. P. 124).

67 См. об этом: HAMILTON R. *The Very Quintessence of Persecution: Queer Anti-Fascism in 1970s Europe* // Radical History Review. 2020. № 138. P. 60–81.

шизма. Она инвестирует опыт кризиса на самом интимном и висцеральном уровне, где социальные и экономические нарушения, кажущиеся слишком абстрактными, чтобы их можно было отобразить, ощущаются в домашних, либидинальных и телесных регистрах. Поздний фашизм – в равной степени либидинальное предложение (претензия на коллективные желания) и половая паника, или лучше сказать, паника гендерная. Правая культура сегодня – культура негражданских войн, которые ставят на передний план регуляцию, таргетинг и стигматизацию тел в аспекте их половой принадлежности и сексуальности. Это также внушающая тревогу транснациональная, «вирусная» культура, в которой восстановление и переизобретение воинственной маскулинности и страстная ностальгия по гетеронормативной семье как ячейке *демоса* и *этноса*, являются центрами, вокруг которых формируется целая институциональная и идеологическая инфраструктура, объявляющая своими заклятыми врагами «гендерную идеологию» и трансгендерность. Если «гендерно-критический активизм функционирует [...] как крупномасштабный процесс трансляции, посредством которого формулируются и пускаются в [глобальный] оборот конкретные контртеории и концепции», то происходит это не только благодаря его способности создавать новые сочленения между консервативными и феминистскими формациями, но и потому, что он представляет гендерную смуту как глобальный кризис, одновременно порождение и вектор плохого, глобалистского капитализма, направляемого неукорененными элитами, вступающими в спор с девиантными и подчиненными субъектами (*subaltern subjects*), чтобы еще больше обездолжить и без того уязвимых «простых граждан», – создавая то, что Серена Басси и Грета Лафлёр провокационно окрестили «постфашистским феминизмом 99%»⁶⁸.

Как сурово напоминает нам свадебная речь Гиммлера, фашистская антиполитика секса – стратегия, привязывающая геополитическое к генитальному (а также геномному или гормональному). В каком-то смысле неудивительно (хотя от этого не менее гротескно), что поздний фашизм часто формируется и циркулирует вокруг моральной паники по поводу трансгендерности и «гендерной идеологии». Здесь действует своего рода сексуальная и гендерная «масштабируемость»: не толь-

68 BASSI S., LAFLEUR G. *Op. cit.* P. 318. См. также попытку обнаружить капиталистическую логику абстракции за фашистской трансмизогинией и антисемитизмом, персонифицированную в фигуре еврея как изобретателя трансгендерности: СОНЕН J. A. *The Eradication of "Talmudic Abstractions": Anti-Semitism, Transmisogyny and the National Socialist Project* // Verso blog. 2018. December 19 (www.versobooks.com/en-gb/blogs/news/4188-the-eradication-of-talmudic-abstractions-anti-semitism-transmisogyny-and-the-national-socialist-project).

ко тематизация сексуально-гендерного беспорядка позволяет проецировать макропроблемы на микромасштабы (надвигающийся конец западной цивилизации начертан на непокорных телах), но и консолидация нового «фашистского интернационала» (с его способностью к захвату и гегемонизации старых консерватизмов), как правило, осуществляется в перспективе планетарного кризиса гендерных и сексуальных норм⁶⁹. Это послужило укреплению политических инфраструктур и солидарности между разрозненными политическими субъектами, приверженными идее, что мы пребываем в гуще культурной мировой войны, где квинность и трансгендерность – предвестницы краха цивилизации, который должен быть предотвращен любой ценой⁷⁰.

АЛЬБЕРТО ТОСКАНО
СОБОРЫ ЭРОТИЧЕСКОЙ
НИЩЕТЫ

Правая культура сегодня – это транснациональная, «вирусная» культура, в которой восстановление и переизобретение воинственной маскулинности и страстная ностальгия по гетеронормативной семье как ячейке демоса и этноса, являются центрами, вокруг которых формируется институциональная и идеологическая инфраструктура, объявляющая своими заклятыми врагами «гендерную идеологию» и трансгендерность.

Если цветной мигрант – аватар «великого замещения», окончательного исчезновения белой расы и составляющих ее наций, то трансгендерность – эмблема и эмиссар «великого беспорядка», перемешивания сексуальных различий и разрушения семьи. Если фашизмы, рожденные на полях боев Первой мировой войны, пытались спроецировать логику фронта на социальные и сексуальные кризисы, борясь с красными, женскими и еврейскими массами как векторами растворения самих телесных границ, то нынешние, поздние фашизмы, по большей части не связанные с «войной как внутренним опытом», но страстно ностальгирующие по воинственным маскулинностям, фиксируются на гендерной неконформности как одновременно метафоре и метонимии, причине и симптоме

69 Я вдохновлен пронизательным анализом «расовой масштабируемости», предложенным Дорианом Беллом: BELL D. *Globalizing Race: Antisemitism and Empire in French and European Culture*. Evanston: Illinois University Press, 2018.

70 Возьмем, к примеру, организации вроде Всемирного конгресса семей, а также призыв к сохранению гетеронормативной семьи, с которым выступила постфашистская председательница Совета министров Италии Джорджа Мелони на встрече в Вероне в 2019 году. Мелони часто озвучивает нарратив о «великом замещении».

беспорядка в личных и планетарных масштабах⁷¹. Для них закат Запада есть гендерная проблема, а заразительное стремление к лучшей жизни за пределами иерархий расовой идентичности и сексуальной нормальности – болезнь, социальная патология, девиантная дистопия, в противовес которой создается регрессивный образ жизни в непрестанной борьбе и отчаянном стремлении к грядущей традиции⁷².

Перевод с английского Дениса Шалагинова

71 См.: THEWELEIT K. *Male Fantasies, vol. 2...*; а также предисловие Рабинбаха и Бенджамин к этому тому.

72 Тевеляйт приводит «мечту» одного из главных идеологов нацизма – Альфреда Розенберга: «Какой-то неуловимый импульс в массах давно стремится избавиться от жалкой веры в то, что жизнь предназначена для удовольствия, – заразительной веры, по своей природе истинно еврейской. Сегодня идилия “рая на земле” утратила львиную долю своей привлекательности». Тевеляйт комментирует: «Эта цитата из Розенберга – предельно четкая формулировка нацистской программы для масс: борьба с любой надеждой на настоящий “рай на земле”, настоящую жизнь в удовольствии; объявление желания лучшей жизни болезнью, человеческих удовольствий – заразой, главным носителем которой является “еврейский элемент”, с его вечным влечением к расовому смешению» (Ibid. P. 9). Фашизм: эрос без счастья, желание без удовольствия? Как пишет Александра Минна Стерн, ссылаясь на Джейсона Стэнли, для ультраправых США «уничтожение возможности гендерной изменчивости – неотъемлемая часть восстановления патриархальной белой Америки» (STERN A.M. *Proud Boys and the White Ethnostate: How the Alt-Right is Warping the American Imagination*. Boston: Beacon Press, 2019. P. 134).